

УДК 316.324.8 : (316.344.8 : 316.334.56)

А. А. МУСИЕЗДОВ,
КАНДИДАТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ
(ХАРЬКОВ, УКРАИНА)

МАНУЭЛЬ КАСТЕЛЬС И ПРОБЛЕМАТИКА ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Статья посвящена анализу проблематики городской идентичности с помощью концепции Мануэля Кастельса. Проанализированы два этапа его творчества, в которых поднимаются темы города в неомарксистской интерпретации (1) и современного информационного общества (2). На основании анализа сделан вывод о том, что современный город продуцирует два вида городской идентичности – легитимирующую и идентичность сопротивления. Первая выражает взгляды и интересы космополитической «элиты» информационной эпохи, в то время как вторая связана с интересами локальных городских сообществ.

Ключевые слова: городская идентичность, информационное общество, урбанистическая теория, культурология, окружающая среда, неоклассическая социология.

The article deals with the problems of urban identity analyzed with the help of the conception by Manuel Castells. Analyzed are two stages of his oeuvre when the subject of city in neo-Marxist interpretation (1) and a modern informational society (2) are raised. The analysis resulted on the conclusion that a modern city produces two types of urban identity – legitimating and resisting ones. The first one manifests views and interests of the cosmopolitan «elite» of the information age while the second one is connected with local communities' interests.

Key words: urban identity, information society, urban theory, cultural science, environment, neo-classic sociology.

Исследования городской идентичности* – новая проблемная область социологической науки. Тематика, близкая к изучению городской идентичности, получила развитие в рамках смежных дисциплин. Одними из ключевых тем психология среды (*environmental psychology*) стали вопросы, связанные с изучением привязанности к месту, пространственной социализации, восприятия среды и т. д. – вопросы, выходящие на проблематику местных, в том числе и городских, сообществ (*local communities*)¹. В рамках культурологических исследований** тематика изучения культурного наследия затрагивала вопросы самосознания городских сообществ, основанных на их ответственности за сохранение культурных памятников, воспроизводство культурных практик и т. д.² Собственно урбанистические исследования «человеческого фактора» в городском функционировании, планировании, развитии и т. д. нередко приводили к выводу о том, что город не может состояться в полном смысле без существования городского сообщества, осознающего свое единство³.

Пожалуй, единственной серьезной разработкой вопроса городской идентичности*** является монография А. Микляевой и П. Румянцевой «Городская идентичность жи-

* Понимаемой как результат идентификации с городским сообществом.

** К которым также можно причислить исследования в рамках философии, истории, семиотики, литературоведения, археологии, краеведения, географии и т. д.

*** Не считая ряда статей отдельных авторов, занимающихся преимущественно другими темами, в которых данная проблематика затрагивается, но не раскрывается в достаточной степени.

теля современного мегаполиса. Ресурс личностного благополучия или зона повышенного риска?»⁴ Однако данная работа – результат ряда психологических исследований авторов, и она не отвечает на вопросы, интересующие социологическую теорию и практику. Для спецификации этой новой проблемной области социологии принципиально важно обращение к концепциям, в которых данная проблематика представлена наиболее полно. В этой связи концепция известного городского теоретика неомарксистского направления, американского социолога испанского происхождения, ученика А. Турена Мануэля Кастельса выступает одним из ключевых элементов теоретико-методологической базы. М. Кастельс – первый, кому удалось сочетать в своих трудах европейскую (прежде всего, французскую) традицию марксизма (Л. Альтюссер, А. Лefевр) и идеи американских социальных мыслителей по городскому вопросу⁵. Однако прежде чем обратиться к его идеям, следует выяснить их истоки в классических социологических концепциях.

Если под городской идентичностью понимать результат идентификации с городским сообществом, то классиком и основоположником этой темы следует признать М. Вебера. В своей работе «Город»⁶ он тщательно анализирует различные города и на основании этого анализа формулирует собственное определение города. Для М. Вебера ключевой его характеристикой является наличие городской общины – специфического городского сообщества, отличного от других возможных определений (подданства, профессиональной или сословной принадлежности и т. д.). Без этого признака городá не имеют специфики и оказываются всего лишь поселениями, выполняющими определенные экономические, политические, военные и другие функции.

Однако кроме М. Вебера, пожалуй, не находится классиков, уделивших достаточно внимания теме городской идентичности. Эта ситуация (как ни парадоксально) может быть объяснена именно тем, что город оказался в центре социологического интереса практически с самых первых шагов социологии как науки. Город явно или неявно всегда понимался как воплощение того общества, становление которого и сформулировало социологию. А потому он и не рассматривался как отдельный объект, с собственной спецификой по сравнению с обществом, чьим выражением он стал. При такой интерпретации специфика города и городского сообщества попросту выпадает из поля зрения, а вопрос интеграции людей и сообществ отводится общей теории общества.

Однако исследования города получили в социологии весьма широкое распространение. Отправным пунктом здесь стоит считать эссе Г. Зиммеля 1903 г. «Большие города и духовная жизнь»⁷.

Город для Г. Зиммеля – определенная форма социальных связей, которая характеризуется высокой интенсивностью взаимодействий, информационных потоков и иных воздействующих на человека стимулов. Перегруженность этими стимулами повышает «порог чувствительности» горожанина, что проявляется в замкнутости, обособленности, «бесчувственном равнодушии». С другой стороны, рациональность и обезличенность современного общества вызывает стремление к индивидуализации, для чего город в силу меньшей степени социального контроля предоставляет наилучшие условия. Все это говорит в пользу крайне сомнительной возможности утверждать наличие городского сообщества, понимаемого в качестве некоторого единства, объекта идентификации. И если, согласно М. Веберу, город создает городское сообщество и только в этом случае может называться городом, то, по Г. Зиммелю, город продуцирует индивидуалиста, свободного от групповых требований и определений, но никак не сообщество.

В городской социологии продолжение получила зиммелевская интерпретация города, что хорошо видно в деятельности Чикагской социологической школы. Ее представители также исходили из трактовки города как воплощения современного общества. Если другие классики говорили об обществе в целом, понимая городскую жизнь как его частный случай, не заслуживающий специального внимания, то чикагцы именно город поставили в центр исследовательского фокуса, что можно было бы обозначить как различие дедуктивной и индуктивной логик.

Р. Парк и его коллеги повторяют зиммелевскую интерпретацию городской жизни: вынужденность сосуществования больших масс людей на ограниченной территории порождает эмоциональные перегрузки, и человек в качестве своеобразной психологической защиты учится быть менее вовлеченным в окружающую действительность, что воспринимается как недружелюбие, отчужденность, безразличие, индивидуализм и т. д.⁸

Именно город оказывается «по определению» разнородным по составу жителей, «сущностный» индивидуализм которых препятствует тому, чтобы городское сообщество могло рассматриваться в качестве единства. Город можно и нужно рассматривать как средоточие различных сообществ, ведущих друг с другом борьбу за выживание, за собственную «нишу» в городской среде и городской жизни и т. д. – идея «экологического

подхода» в социологии города. Именно таким сообществам и посвящены работы представителей Чикагской школы – гетто, трущобы, меньшинства и проч. Названные сообщества могут формироваться как минимум на двух основаниях. Во-первых, на основании принадлежности к этническим группам, выступающим средством адаптации «новых горожан» к условиям промышленного города, а во-вторых, из-за общих интересов⁹.

Подытоживая наработки своих коллег в работе 1938 г. «Урбанизм как образ жизни», Луис Вирт говорит о трех принципиальных для города и городской жизни факторах – численности населения, его плотности и гетерогенности. Их сочетание способствует тому, что в городе идет острейшая борьба за пространство, различные части города оказываются наделены специфическими функциями. Поэтому город напоминает мозаику социальных миров и «не существует группы, имеющей неразделенную лояльность индивидуума»¹⁰. Не является такой группой и городское сообщество, поскольку не представляет собой единства.

Анализ социологической классики свидетельствует о том, что лишь М. Вебер говорил о существовании городского сообщества как некоторого единства, могущего быть объектом для идентификации. Остальные авторы настаивали на принципиальной невозможности существования феномена городской идентичности, понимаемого как ощущение принадлежности к городскому сообществу в силу отсутствия самого этого сообщества. Или, говоря словами Л. Вирта, «отсутствие общей традиции и общего опыта делают невозможной и общую идентичность»¹¹.

Последующее развитие социологии города показало согласие научного сообщества с Л. Виртом – подавляющее большинство авторов акцентируют внимание на разнородности городского сообщества, проявляющейся в конфликтах и сегрегации городских жителей. Лишь У. Уорнер, автор известного многолетнего исследования «Янки-сити», проведенного в городе Ньюберипорт (США), отмечал, что его интересуют хорошо интегрированные общности. Но и он оказался одним из ведущих разработчиков теории стратификации, хотя проводил свое исследование в период относительной стабилизации американского общества¹².

Существенная критика классического понимания города как «относительно большого, постоянного и плотно заселенного поселения социально разнородных индивидов» (Л. Вирт)¹³ представлена в неомарксистской городской теории, к которой относят работы М. Кастьельса. Кратко остановимся на идеях французского философа Анри Лефевра, от которых во многом отталкивался в своем творчестве М. Кастьельс.

Современный город характеризуется тем, что, возникнув как результат стихийного исторического развития, он становится объектом целенаправленного развития. Поэтому город, согласно А. Лефевру, есть историческая категория, но не аналитический термин. По А. Лефевру, человеческое развитие проходит три основные стадии: аграрную, индустриальную и урбанистическую. Понимание города может быть достигнуто только посредством анализа того, что было названо им «планетарной урбанизацией» или «полностью урбанизированным обществом». Если отталкиваться от понимания урбанизма как образа жизни (Л. Вирт), то в мире, где подавляющее большинство людей живет в городах, город не имеет более собственной специфики – то, что понимается под городом, всего лишь пространственное проявление капиталистических отношений. Пространственные различия не пролегают больше между Севером и Югом или городом и деревней, они «внутри урбанизма» как планетарного явления, между доминирующими центрами и доминируемыми перифериями по всему миру*. Это означает, что город – не просто кирпич и цемент, многоэтажные дома и автомагистрали: он – процесс производства небоскребов так же, как и незаасфальтированных улиц, шикарных проспектов и проселочных дорог, нарядных набережных и маргинальных зон¹⁴.

А. Лефевр всячески подчеркивает, что пространство является глобальным, фрагментированным и иерархизированным одновременно – пространством, представляющим собой очень сложную мозаику, оформленную различными центрами и перифериями. В основе понимания этой мозаики лежит «товарная форма». И если мы желаем увидеть «молекулярную структуру» этой городской субстанции – городского пространства, то должны представлять его себе как грандиозное средоточие «товаров». Здесь А. Лефевр применяет марксово разделение «товарной формы» и «формы стоимости». При этом «товарная форма пространства» представлена пространственно фиксированным городским ландшафтом, в то время как его «форма стоимости» – сеть социальных отношений, не имеющих пространственной привязки.

* Город теперь символизирует новую форму доминирования, оправдывающую культурное, технологическое и экономическое устаревание сельского хозяйства в мировом масштабе безотносительно к конкретным населенным пунктам.

Одной из основных заслуг А. Лефевра считается его интерпретация пространства не как «вместилища», но как «процесса»¹⁵. Пространство непрерывно производится, в том числе (но не исключительно) благодаря его означиванию и переозначиванию. И поскольку производство пространства в капиталистическом мире выражает капиталистическую логику, то важно понятие «право на город». Согласно А. Лефевру, городское пространство исключает доминируемые группы – городское планирование выражает интересы правящих классов¹⁶.

По его мнению, в этом кроется и новая форма гражданства, основанная на том, что люди, тем не менее, встречаются друг с другом в пространстве города, преодолевая выстроенные капитализмом дистанции. А. Лефевр говорит, что признаки города – это признаки объединения: улицы, площади, тротуары, здания и т. д. Здесь территориальность оказывается чем-то большим, чем конкретные «город» или «национальность»: сосед по улице оказывается в то же время гражданином мира – гражданином, укорененным в пространстве, где сосед по коридору встречается так же, как и житель с другого конца планеты. Именно урбанизация делает возможным ощущение такой принадлежности, а социальные медиа преодолевают расстояния и расширяют горизонты видения и понимания себя и других. Другими словами, урбанизация порождает на столько специфически городскую идентичность, но идентичность гражданина (урбанизированного) мира¹⁷.

Мануэль Кастельс продолжает интерпретацию урбанизма А. Лефевром, но у него иной взгляд на роль современной технологии вообще и ее влияния на город и городские процессы.

Классические подходы городских исследований выступают объектом критики М. Кастельса, как минимум в том, что они нередко сводят городские процессы к проявлениям «человеческой природы» (Р. Парк и экологический подход) или взаимодействиям соседей, не принимают во внимание более широкие для собственно города контексты и рассматривают общество как локализованное территориально. По его мнению, такие дихотомии, как страна/город, городское/сельское, аграрное/индустриальное, традиционное/современное, *Gemeinschaft/Gesellschaft*, локальное/космополитическое должны быть отброшены как идеологические и выражающие мышление, связанное с определенным уровнем производства, с характерной системой ценностей и специфическими пространственными формами. Отвергнутым должно быть и понимание урбанистической цивилизации в психосоциологических терминах на основе идеи о кризисе личности¹⁸.

Как и А. Лефевр, М. Кастельс утверждает, что между городскими и сельскими формами больше не существует тех различий, которые были в докапиталистическую эпоху – капиталистическое производство сегодня действует в масштабах экономически превосходящих разницу между ними. Городские ареалы в настоящее время следует понимать как места, где рабочая сила воспроизводится за счет процессов индивидуального и коллективного потребления. Способы городского планирования организуют город и его пространство в интересах государственно-монополистического капитализма. Если, по А. Лефевру, главным в этой организации выступает стремление к социальному контролю и исключению потенциально опасных и недовольных, то, согласно М. Кастельсу, цель производства города – максимизация прибыли, что также ведет к игнорированию и маргинализации доминируемых групп населения.

Городские общественные движения (и «экологическое движение» в целом) есть проявления восстания угнетенных классов против капиталистических условий. Однако сами жители городов вместо капиталистического кризиса видят городской кризис, а вместо вопроса о природе капитализма в целом – городской вопрос*: «связь между пространством, городом и определенным поведением, воспринимающимся как типично городское, не имеет иных оснований, кроме идеологических»¹⁹.

Своеобразным итогом рассуждений М. Кастельса о городе является обращение исследователя к интересу в сторону объединения тематики города и современного общества, что нашло выражение в его работе «Информационный город»²⁰, за которой последовал цикл работ об информационном обществе²¹. Современное общество – общество информационное и сетевое (*network society*)²². Оно – результат информационно-технологической революции; для него характерны информационная экономика и связанные с нею процессы глобализации, сетевое предпринимательство, изменения в способах труда и занятости, трансформация восприятия времени; виртуальность культуры и т. д. Поэтому существенным образом переосмысливается и современный город.

* «Забота об окружающей среде» представляется М. Кастельсу попыткой установить ложный антагонизм между человеческой культурой и природой и обвинить технологии в загрязнении природы.

Уже в первых работах М. Кастельс настаивал на том, что пространство не является причиной социальных процессов, различий, отношений, но оно – их выражение. В информационном обществе пространство оказывается пространством информационных потоков (*space of flows*). Оно может быть описано как комбинация трех слоев. Первый из них состоит из цепи электронных импульсов, которые образуют материальную основу для процессов, стратегически важных в сетевом обществе. Это пространственная форма, каковыми были «город» и «регион» для индустриального общества. В сети взаимодействий места не существуют сами по себе, но они и не исчезают, а приобретают новые значения под влиянием включения в пространство потоков – процесс, подобный тому, как в свое время железные дороги стали причиной оформления новых «экономических регионов». Второй слой образован «центрами» и «узлами» (*nodes and hubs*). Пространство потоков связывает конкретные места с четко определенными социальными, культурными, физическими и функциональными характеристиками. Некоторые из них играют роль узлов связи, обеспечивают координацию и взаимодействие элементов. Другие являются центрами реализации стратегически важных функций. Функции, которые должны выполняться каждой сетью, определяют характеристики мест, которые становятся своего рода ее привилегированными узлами. Каждая сеть определяет свои узлы и их иерархии в соответствии с функциями и характеристиками продукта или услуги, производимых сетью. Третий слой пространства потоков относится к пространственной организации доминирующей элиты, осуществляющих управленческие функции. Пространство в современном обществе играет фундаментальную роль в механизме социального господства – элиты космополитичны, люди (массы) локальны. Пространство власти и богатства проецируется на весь мир, жизнь людей и их опыт уходят своими корнями в конкретное место, его культуру и историю*.

Пространство потоков не пронизывает всю сферу человеческого опыта в сетевом обществе. Подавляющее большинство людей живут «локально» и поэтому воспринимают свое пространство как «место». Согласно М. Кастельсу, место – это локальность, чья форма, функция и значение определены в категориях физической соотносительности. Люди по-прежнему живут «в местах», но поскольку власть в нашем обществе организована в пространство потоков, структурное доминирование его логики существенно меняет значение и динамику мест. Таким образом место будет по-прежнему играть важную роль в повседневной жизни людей. Но роль места будет уменьшаться вследствие развития информационных технологий и роста глобализации.

В логике информационного общества и пространства потоков М. Кастельс рассматривает и город. Город – не столько место, сколько процесс, посредством которого центры производства и потребления передовых услуг и их вспомогательные местные сообщества связаны в глобальной сети, одновременно преуменьшая их связи с внутренними районами на основе информационных потоков: «город как таковой ничего не создает, но, аккумулируя созданное, он дает ему возможность развиваться»²³. Однако в более поздних своих работах М. Кастельс меняет некоторые свои прежние взгляды, возвращаясь к трактовке города как места, хоть и организованного потоками. Он указывает на то, что информационное производство требует инновационной среды (*milieu of innovation*), которая обнаруживается в центрах крупных мегаполисов. Это и приводит к пространственной поляризации, которую прослеживают М. Кастельс и Д. Молленкопф на примере Нью-Йорка²⁴. Они подчеркивают, что сочетание культурной, экономической, политической поляризации приводит к тому, что, «если в городском ядре, образованном профессионалами корпоративного мира, пусть и разными по происхождению, прослеживается подобие единства, то на периферии города имеет место дезорганизация: население здесь фрагментировано по расовому, половому, этническому, профессиональному признаку, что только усиливается разнородностью мест, в которых оно проживает»²⁵.

Какое же значение имеют выводы М. Кастельса для анализа городской идентичности? На этот вопрос поможет ответить ряд его идей относительно идентичности в современном мире, сформулированных в работе «Власть идентичности» («*The Power of Identity*»), вторая часть его трехтомника, посвященного информационной эпохе²⁶.

М. Кастельс пишет: «Глобальные сети инструментального обмена селективно подключают или отключают индивидов, группы, районы, даже целые страны согласно их значимости для выполнения целей, обрабатываемых в сети, в непрерывном потоке

* М. Кастельс не разделяет идеи о существовании «властвующей элиты». Напротив, он полагает, что реальное социальное доминирование происходит из того факта, что культурные коды, с помощью которых элиты задают границы своего культурного/политического сообщества, встроены в социальную структуру таким образом, что обладание ими открывает доступ к власти без того, чтобы элиты нуждались вговоре для запрета или ограничения доступа к своим сетям.

стратегических решений»²⁷. Тем самым подрывается традиционное западное понимание субъекта как суверенного и самостоятельного индивида – понимание, которое с античных времен лежало в основе индивидуальной идентичности. Следовательно, технология, информационные системы и сети увеличивают человеческие силы в организации и интеграции и одновременно разрушают то самое видение мира, которое их породило и которое они призваны охранять, и формируют противоречие между «Я» и Сетью, где на одном полюсе оказываются исторически укорененные партикуляристские идентичности, а на другом – абстрактный, универсальный инструментализм.

Наш мир – совокупность неконтролируемых и беспорядочных изменений. Отвечая на популярные опасения, что картина, нарисованная некогда Дж. Оруэллом, осуществится, М. Кастельс пишет: «Наши общества – не упорядоченные тюрьмы, а беспорядочные джунгли»²⁸. В качестве реакции на сложившуюся ситуацию люди склонны группироваться вокруг первичных источников идентичности: религиозных, этнических, территориальных, национальных: «В мире, пронизанном глобальными потоками богатств, власти и образов, поиск идентичности, коллективной или индивидуальной, приписанной или сконструированной, становится фундаментальным источником социальных значений»²⁹. Он отмечает, что это не новая тенденция, однако в нынешней ситуации, где организации распадаются, институты утрачивают легитимность, общественные движения угасают и т. д., идентичность становится главным, а иногда и единственным источником смыслов.

Согласно М. Кастельсу, идентичность есть процесс, посредством которого социальный актор узнает себя и конструирует смыслы на основе данного культурного свойства или совокупности свойств. Люди все чаще организуют свои смыслы не вокруг того, что они делают, но на основе того, кем они являются или своих представлений о том, кем они являются. Идентичности возникают в действии, и таким образом сетевое общество порождает движения сопротивления и даже движения «проективной идентичности».

В рамках исследований идентичности хорошо известна классификация идентичностей, предложенная М. Кастельсом, который выделяет:

- *легитимирующую идентичность*, которая вводится господствующими институтами общества для расширения и рационализации своего господства;
- *идентичность сопротивления*, которая формируется акторами, находящимися в ситуации их недооценки и/или стигматизации;
- *проективную идентичность* – новую идентичность, выстроенную акторами на основе доступного им культурного материала, которая переопределяет их положение в обществе и направлена на преобразование всей социальной структуры.

Вновь возникающие и актуализирующиеся социальные движения сопротивления, артикулирующие проективные идентичности, – это ответ на стрессы и перегрузки информационной эпохи, но трактовать их исключительно в этом качестве неправомерно, поскольку все они пользуются средствами сетевого общества для собственных организационных нужд и распространения своих идей³⁰.

Непосредственно о городской идентичности М. Кастельс не писал, однако, используя его идеи, можно представить себе его взгляд по этому вопросу. Здесь может быть несколько ответов – в зависимости от того, к какому типу идентичности мы можем отнести городскую идентичность.

В пользу интерпретации городской идентичности как легитимирующей говорит логика «раннего» М. Кастельса, а именно – трактовка оппозиции городского и негородского как ложной, не выражающей никакой онтологии и маскирующей проблемы капитализма в виде «городских проблем»:

- городская идентичность выстраивается исключительно вокруг (идеологических) представлений о городе;
- будучи идеологическими, эти представления выражают оппозицию между космополитической «элитой» и локальными «массами»;
- поскольку «элиты» заинтересованы в воспроизводстве «городской» рабочей силы, они заинтересованы и в воспроизводстве представлений о городе как месте, преодолевающем локальность и обеспечивающем включенность в («экстритерриториальное») пространство потоков, охватывающее весь мир.

Городская идентичность в данном случае может быть интерпретирована как продукт культурного потребления, имеющая достаточно узнаваемые стилистические черты, выражаемые названием «*urban style*».

«Поздний» М. Кастельс дает основания для интерпретации городской идентичности как идентичности сопротивления и/или проективной идентичности*. В этом

* Представляется, что в данном случае различиями можно пренебречь.

смысле «локальные» массы городского населения выстраивают собственную идентичность на основе территориальной принадлежности в противоположность обезличенности мирового «пространства потоков». Здесь выстраивается идентичность как принадлежность не столько к городу и городской цивилизации вообще, сколько к конкретному локальному городу, отличающемуся от других городов.

Однако нередко возникают трудности, поскольку город в нынешнем виде является продуктом рациональной капиталистической эпохи, сейчас – символом и воплощением информационного общества и редко имеет существенные домодерные «корни», к которым можно было бы апеллировать в поиске собственных значений – у «исторических городов» есть очевидное преимущество*. Однако и исторические отсылки в данном контексте оказываются не более чем средством добиться более выгодной позиции в пространстве потоков, в то время как функция интеграции городского сообщества на сугубо «исторических» основаниях (общая история, происхождение, культура, стиль жизни и т. д.) безотносительно к туристической составляющей терпят неудачу в силу отсутствия этих самых оснований. Функциональное основание формирования городского сообщества – общее желание решения собственных проблем выглядит здесь несомненно, поскольку обладает потенциалом формирования (протестного) движения как локомотива городской идентичности. Городская идентичность, выстроенная вокруг реализации интересов горожан, преодолевает локальность за счет сходства многих из этих интересов у жителей различных городов.

В идентичности сопротивления легко можно увидеть черты проективной идентичности, поскольку (вне зависимости от ее новизны) она оказывается частью проекта по переинтерпретации и изменению структуры социальных отношений в пользу доминируемых групп – в данном случае «городского сообщества» или его части в оппозиции к местным или иным «властям». Однако трактовка проективной идентичности как части «проекта» – утверждения некоторого видения (социального) мира – вполне подходит и для интерпретации легитимирующей идентичности. Другими словами, идентичность – в любом случае часть некоторого более широкого дискурса, а поэтому представляется, что данным элементом классификации можно пренебречь.

На основании анализа идей М. Кастельса можно сделать вывод, что современное общество продуцирует два типа городской идентичности: «космополитический» и «локальный». Первая соотносится с (экстерриториальной) «элитой» информационного общества, продуцирующей представления о городском образе жизни как соответствующем современности, успешности, мобильности и т. д., и выражается в определенном стиле потребления («*urban style*»). Вторая апеллирует к локальности и специфике места и выражает стремление к обретению устойчивости и/или преимуществ в информационном мире. Оба эти типа идентичности вполне могут сосуществовать и даже сочетаться друг с другом.

Необходимость самого обращения к концепции М. Кастельса для разработки темы городской идентичности продиктована тем, что среди неклассической социологии города, оппонировавшей идеям Чикагской школы, он был первым, кто, не отрицая специфики урбанистических процессов, поставил исследования города в контекст современного информационного (постиндустриального, постмодерного) общества. Если А. Лефевр еще не в достаточной степени уделял внимание именно этому вопросу, в сущности, ограничиваясь, неомарксистской критикой власти применительно к городскому пространству, то идеи М. Кастельса во многом оказались созвучны целому ряду направлений как в социологии, так и в урбанистической теории – постмодернистскому неомарксизму вообще (Ф. Джеймисон) и лос-анджелесской школе (М. Дэвис), идеям «глобального города» (С. Сассен, Ш. Зукин), исследованиям «культурных индустрий» и «креативного класса» (Ч. Лэндри, С. Лэш, Дж. Урри, Р. Флорида) и др. Дальнейшая разработка этих направлений (на наш взгляд, не достаточно хорошо имплицитированных в поле отечественного социологического знания) будет способствовать концептуализации феномена городской идентичности и развитию соответствующего теоретико-методологического аппарата для его изучения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ¹ См.: Proshansky H. M. The city and self-identity // *Journal of Environment and Behaviour*. 1978. Vol. 10. P. 57–83; Pol E. Blueprints for a History of Environmental Psychology (I): From First Birth to American Transition // *Medio Ambiente y Comportamiento Humano*. 2006. 7(2). P. 95–113; Hidalgo M. Place Attachment: Conceptual and Empirical Questions // *Journal of Environmental Psychology*. 2001. 21. P. 273–281; Place Attachment. New York, 1992;

* Именно поэтому столь важной и востребованной стала тема городского брендинга – открытия, нахождения, конструирования смыслов, выражающих специфику того или иного города³¹.

Cross Jennifer E. What is Sense of Place? Prepared for the 12th Headwaters Conference, Western State College, November 2–4, 2001 [Электронный ресурс]. http://lamar.colostate.edu/~jecross/pdf/presentations/Sense_of_Place_Cross_2001.pdf.

² См.: Андиферов Н. П. Душа Петербурга [Электронный ресурс]. <http://www.wmos.ru/book/detail.php?ID=4255>; Волков С. Петербург – судьба и миф // История культуры Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. <http://lib.rus.ec/b/350312/read#t1>; Глазычев В. Поэтика городской среды [Электронный ресурс]. http://www.glazychev.ru/habitations&cities/1986_roetika.htm; Замятин Д. Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М., 2004.; Митин И. Норов города // Слово. 2002. № 3. С. 30–34; Перстнева Н. Одесса, которую мы теряем // Зеркало недели. Украина. № 17. 13 мая 2011 [Электронный ресурс]. http://zn.ua/POLITICS/odessa,_kotoruyu_my_teryaem-80949.html.

³ См.: Глазычев В. Высвобождение городов [Электронный ресурс]. http://www.glazychev.ru/habitations&cities/1993_vyslob_gorodov.htm; Глазычев В. Город России на пороге урбанизации [Электронный ресурс]. http://www.glazychev.ru/habitations&cities/1995_gorod_Rossii_na_poroge_urban.htm.

⁴ См.: Микляева А., Румянцева П. Городская идентичность жителя современного мегаполиса. Ресурс личностного благополучия или зона повышенного риска? М., 2011.

⁵ См.: Houghton-Evans W. Marxism and the Urban Question // MARXISM TODAY. 1977. October. P. 303–305.

⁶ См.: Вебер М. Город // Избранное. Образ общества. М., 1994. С. 309–446.

⁷ См.: Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // ЛОГОС. 2002. № 3 (34). С. 1–12.

⁸ См.: Парк Р. Город как социальная лаборатория [Электронный ресурс]. <http://www.urban-club.ru/?p=50>.

⁹ См.: Mumford L. What is The City? // The City Reader. London, 1996. P. 92–96.

¹⁰ См.: Вирт Л. Урбанизм как образ жизни [Электронный ресурс]. <http://www.urban-club.ru/?p=99>.

¹¹ Flanagan W. G. Urban Sociology: Images and Structure. Allyn and Bacon, 1999. P. 56.

¹² См., например: Трубина Е. Город в теории: опыты осмысления пространства. М., 2010.

¹³ Там же. С. 358.

¹⁴ См.: Lefebvre H. La révolution urbaine. Paris, 1970.

¹⁵ Лефевр А. Социальное пространство // Неприкосновенный запас. 2010. № 2 (70) [Электронный ресурс]. <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/le1.html>.

¹⁶ См.: Lefebvre H. Writing on Cities. Cambridge, 1996.

¹⁷ См.: Merrifield A. Whither Urban Studies? [Электронный ресурс]. <http://citiesmcr.wordpress.com/2012/12/10/whither-urban-studies/>.

¹⁸ Grönlund B. 'The Urban Question' and 'The Rise of the Network Society'. Manuel Castells confronted [Электронный ресурс]. http://www.acturban.org/biennial/doc_planners/urban_question_network%20society_castells_confronted.htm.

¹⁹ См.: Castells M. The Urban Question. A Marxist Approach. London, 1977. P. 431.

²⁰ См.: Castells M. The Informational City: Information Technology, Economic Restructuring, and the Urban Regional Process. Oxford, 1989.

²¹ См.: Кагельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000; Кагельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2004; Кагельс М., Химанен П. Информационное общество и государство благосостояния: Финская модель. М., 2002.

²² См.: Castells M. The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture, Vol. I. Oxford, 1986.

²³ Castells M. The Urban Question. A Marxist Approach. London, 1977.

²⁴ См.: Dual City: Restructuring New York. New York, 1991.

²⁵ Цит. по: Трубина Е. Город в теории: опыты осмысления пространства. М., 2010.

²⁶ См.: Castells M. The Power of Identity, The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. II. Cambridge, 1997.

²⁷ Кагельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура [Электронный ресурс]. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/intro2.php.

²⁸ Dual City: Restructuring New York. Op. cit.

²⁹ Кагельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Цит. изд.

³⁰ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004. С. 146–147.

³¹ Мусієздов О. Ідентифікація Харкова: досвід конструювання образу міста // Схід / Захід: Історико-культурологічний збірник. Вип. 15. Харків, 2011. С. 217–234; Мусієздов А. Социологическое обоснование практики конструирования бренда города // Вестн. Киевского национального университета имени Тараса Шевченко. Серия «Социология». 2012. № 3. С. 76–84.

Поступила в редакцию: 24.06.13.